

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК АДАПТАЦИЯ К СИТУАЦИИ

Д. С. Музыченко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
17p-holmes@rambler.ru

Аннотация. Виктимное поведение личности рассматривается как сложившаяся модель адаптации, отвечающая особенностям ситуации. По эмпирическим результатам сопоставляется потенциальная склонность к виктимному поведению с фактами индивидуального опыта. Приводится взаимосвязь типов установок с различиями факторов ситуации виктимизации. Выделены основные паттерны возникновения гиперсоциальной, самоповреждающей и саморазрушающей, агрессивной, некритичной, зависимой и беспомощной моделей виктимного поведения. В статье обсуждаются корреляции показателей методики «Склонность к виктимному поведению» О. О. Андронниковой и данных структурированного самоотчета. В обработке используется метод ранговой корреляции Спирмена. Выборку исследования составили 305 лиц юношеского возраста 16-18 лет, обучающихся в школах и сузах Минска и районов Минской области.

Ключевые слова: *виктимное поведение; личностные факторы; виктимизация; ситуационные факторы.*

PERSONAL FACTOR OF VICTIM BEHAVIOR AS ADAPTATION TO A SITUATION

D. S. Muzychenko

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Victim behavior of a person is considered as an established adaptation model that meets the features of the situation. Based on empirical results, the potential tendency to victim behavior is compared with the facts of individual experience. The interrelation of attitude types with distinctions of victimization situation factors is given. The main emergence patterns of hypersocial, self-harm and self-destructive, aggressive, uncritical, dependent and helpless victim behavior are highlighted. In article correlations of the indicators of a scale «Tendency to victim behavior» by O. O. Andronnikova and data of the structured self-report are discussed. The statistical processing uses the Spearman's rank correlation method. The research sample consisted of 305 youths aged 16–18 years studying in schools and in the vocational colleges of Minsk and districts of the Minsk area.

Keywords: *victim behavior; personal factors; victimization; situational factors.*

Полученный индивидуальный опыт, сформированные установки и способы удовлетворения потребностей составляют адаптационный потенциал в последующем. Предполагается, что типы виктимного поведения в значительной степени взаимосвязаны с определенными видами виктимизации и их формами в опыте

личности и могут представлять закрепившиеся модели реагирования, отвечающие специфике ситуации. Таким образом, являясь личностной чертой, закрепившаяся модель поведения отражает при этом факторы ситуации в условиях которых была сформирована (причины, на которые была ориентирована, особенности обстоятельств, существовавших взаимоотношений, возможностей совладания).

Представленные результаты составляют часть исследования, посвященного личностным факторам мотивации виктимного поведения, и являются его дополнением, поскольку поведение, ранее побуждаемое ситуативными факторами, может становиться способом достижения адаптации, поддерживаясь потребностями и иерархией ценностей. В статье обсуждается взаимосвязь личностной склонности к виктимному поведению, согласно показателям методики О.О. Андронниковой, и фактов опыта виктимизации по данным структурированного самоотчета. Рассмотренные закономерности не претендуют на исчерпывающее объяснение причин и обстоятельств формирования каждой модели виктимизации, однако вносят вклад в понимание личностных факторов поведения. В обработке используется метод ранговой корреляции Спирмена. Все приведенные коэффициенты связи имеют статистическую значимость при $p \leq 0,01$ или $p \leq 0,05$.

Лица юношеского возраста, обнаруживающие высокие показатели склонности к гиперсоциальному поведению, испытывали, в сущности, различные формы социальной агрессии, нацеленной на нанесение ущерба самооценке и социальному статусу (хотя формы ее выражения также могли содержать элементы имущественной и кибер- виктимизации). Опыт социальной агрессии, как правило, классифицируют как вид реляционной виктимизации, объединяя в общую категорию воздействия в качестве виктимизации в отношениях. Корреляции устанавливаются с поведенческими описаниями: «относились с меньшим уважением, чем к другим людям» (0,285), «вели себя так, как будто они лучше, чем я» (0,248), «взламывали мою почту, страницы в социальных сетях и т.п.» (0,301), «посылали угрожающие или агрессивные электронные письма либо сообщения» (0,288), «прятали что-то от меня» (0,233). При этом виктимизация отрицательно взаимосвязана с опытом физической агрессии со стороны сверстников: «толкали, шлепали, ударяли рукой или пинали ногой» (-0,222). Отмечается, что, в сравнении с физической виктимизацией, реляционная оказывает более избирательное воздействие на позитивные представления о себе, стимулируя снижение показателей только в области социального принятия. В качестве объяснения причины правонарушающих действий со стороны других, в интерпретации личности указывается «я получал хорошие оценки» (0,254) и/или «чтобы выплеснуть злость» (0,272). Тем не менее, реляционная виктимизация вторично прогнозирует увеличение негативных представлений о мире как физически и социально угрожающем месте [1], что находит отражение в потребности в поддержании безопасности, коррелирующей с моделью поведения. Формирование гиперсоциальных установок как, направленности на соблюдение норм и правил, оказание помощи окружающим, склонности к «суперменству» и готовности брать на себя больше, чем представляется возможным справиться, отрицательно коррелирует с пребыванием младшим членом коллектива (или восприятием таковым другими): «они считали, что я вы-

гляжу значительно младше» (-0,289). Для реакции личности на полученный опыт закономерно его эмоциональное переживание: «Чувствовал грусть, досаду, отчаяние» (0,247), «Был испуган, чувствовал тревогу» (0,258). Среди способов совладания повышается вероятность обращения к психологу (0,203) либо связь устанавливается с выбором ответа «Другое» (0,251).

В корреляции со склонностью к самоповреждающему и саморазрушающему поведению наблюдается тенденция к подверганию имущественной виктимизации, в частности, выбор ответа «забирали что-то у меня (требовали отдать какие-либо блага)» (0,178), наряду с указанием на «Другие» (0,177), нетипизированные в списке, формы преследования. Возможно, что межличностная отстраненность в модели выступает следствием нарушения личных границ или эксплуатации тех или иных личных ресурсов, что являлось болезненным для личности. С другой стороны, возможно, что тип личности, имеющий приоритетную ориентацию на автономию и самоконтроль, изначально более чувствителен к нарушению личного пространства. Аутоагрессивная направленность реакции в период виктимизации повышает риск суицидального поведения в связи с возникновением мыслей, чтобы «причинить себе вред или покончить с собой» (0,255). Склонность к агрессивному поведению коррелирует с сообщением о фактах столкновения с угрозой серьезного физического насилия: «угрожали или нападали с ножом либо другим оружием» (0,190), что, однако, не является специфически связанным с обретением виктимности и, вероятно, в большей степени определяет агрессивные установки в целом, поскольку среди невиктимных сверстников взаимосвязь проявляется в равной степени (0,206). Среди виктимных лиц также отмечается связь с указанием на «Другие» нетипизированные виды опыта (0,196). При возникновении агрессивного виктимного поведения реакция на ситуацию связана с противостоянием: «реагировал, отбивался, наносил ответный удар» (0,201) и снижает вероятность ответа «Терпел, не сопротивлялся» (-0,218). Но, поскольку агрессия в рамках модели изначально является неперсонифицированной, а также в виду корреляции с тенденцией к мазохизму, существует некоторый риск стремления «причинить себе вред или покончить с собой» (0,185). Причины виктимизации в модели обнаруживают отрицательное направление связи с высокой успеваемостью: «Я получал хорошие оценки» (-0,176), при этом сама ситуация также может побуждать к пропуску занятий («Я пропускал учебу из-за этого») (0,243). Среди лиц, имеющих высокий уровень некритичных установок, существует взаимосвязь с опытом запугивания преимущественно в форме угроз физического насилия: «специально сталкивались со мной (врезались), когда они проходили мимо» (0,497), «ставили мне подножки» (0,509), «угрожали причинить физическую боль (побить)» (0,509), «угрожали или нападали с ножом либо другим оружием» (0,455). Повышение склонности также коррелирует с обнародованием личной информации: «отправляли мою личную электронную почту либо сообщения кому-то еще» (0,187) и указанием на «Другие» нетипизированные виды опыта (0,203). Хотя способом совладания с ситуацией служит избегание: «Пытался избежать столкновения» (0,438), возможно, что привыкание к сигналам опасности в последствие приводит к снижению внимания к потенциальному риску и игнорированию воспринимае-

мой информации [2]. Тем не менее, свойственный для не критичного типа внешний локус контроля способствует генерализации опыта, повышая вероятность переживания стресса в похожих ситуациях, напоминающих о моментах виктимизации (0,216). Напряженный эмоциональный фон также может стимулировать мысли или импульс, чтобы «причинить себе вред или покончить с собой» (0,183). В то же время, помимо непосредственно склонности к неверной оценке ситуаций, данный тип жертв обладает другими характеристиками, которые являются привлекательными для правонарушителей. Например, среди причин виктимизации устанавливается отрицательная связь с вариантом «я слишком высокий» (-0,204).

В связи с опытом поливиктимизации склонность к зависимому и беспомощному поведению обнаруживает корреляции с множеством описаний правонарушений. Самые значимые формы сопряжены с высмеиванием личности, в основном, в форме вербальной с элементами социальной виктимизации: «говорили мне что-нибудь, что мне не нравилось, чтобы заставить других смеяться, либо потому, что хотели меня расстроить» (0,419), «обо мне были придуманы шутки» (0,457), «распространяли ложь и неприятные слухи обо мне» (0,398), «высмеивали по какой-либо причине (смеялись надо мной)» (0,378), «обзывали, называли кличками, прозвищами» (0,384) и др. Как у виктимных, так и невиктимных сверстников, с повышением зависимых и беспомощных установок реакция на издевательства проявляется переживанием «грусти, досады, отчаяния» (0,196 и 0,257 соответственно), но у виктимных лиц она дополняется тревогой и фрустрацией: «Был испуган, чувствовал тревогу» (0,322), «Был растерян, не знал, что делать» (0,282), «Мне не удавалось справиться с ситуацией» (0,196), а также связана с ухудшением самочувствия и работоспособности: «Пытался избежать школы, прогуливал занятия» (0,180), «Обращался за помощью к психиатру» (0,176), и указанием «Других» вариантов (0,269). Среди лиц, проявляющих в юношеском возрасте расположенность к становлению жертвой, ответ на ситуацию виктимизации выявляет ключевые черты формирования выученной беспомощности, включая: ощущение собственной беспомощности, чтобы справиться с нападениями, и отказ от противодействия правонарушителю («Пытался избежать столкновения» (0,251), «Терпел, не сопротивлялся» (0,283)) и убеждение в безнадежности, что кто-то поможет остановить издевательства («Никому не говорил, не хотел, чтобы узнали другие» (0,210)). Среди последствий виктимизации связь с выученной беспомощностью подтверждается сообщением о переживании стресса в похожих ситуациях (0,379).

В исследованиях отмечается, что вербальная и реляционная виктимизация более вероятно способствуют развитию установки безнадежности и отсутствия контроля по сравнению с физической. Воспринимаемую неконтролируемость ситуации еще больше усугубляют мало поддающиеся непосредственному изменению причины виктимизации [3], что в данном случае коррелирует с утверждениями: «из-за одежды, которую я носил» (0,310), «они считали мое лицо смешным (забавным)» (0,251), «из-за кого-либо из членов моей семьи» (0,246), «моя семья бедная» (0,214), а также «они считали, что я выгляжу значительно старше» (что в целом свойственно для стремлений подростков) (0,232). Неподконтрольность или относительная стабильность причин виктимизации приводит к «характерологиче-

скому самообвинению» [4], что среди особенности переживания опыта лицами зависимого и беспомощного типа связано с ответом «Винил себя» (0,210). Помимо того, вероятно, что в юношеском возрасте при формировании представлений о собственной эффективности и основных стратегий достижения, возникновение ощущения неполноценности в чем-либо может оказывать более обобщенное влияние на целостную модель поведения. Среди лиц, имеющих высокие показатели беспомощности, напротив, с существенной вероятностью выделяется отрицательная взаимосвязь с описанием опыта как «высмеивали по какой-либо причине (смеялись надо мной)» (-0,807), что может указывать на то, что с возрастанием зависимых и беспомощных установок личность все менее рассматривает полученную обратную связь критично как несоответствующую и преднамеренную.

Заключение. Особенности ситуации виктимизации (причины, виды и формы агрессии, переживания, возможности совладания) оказывают влияние на склонность к определенному типу виктимного поведения, выступая как закрепившиеся модели реагирования, отвечающие специфике ситуации: 1) формирование модели самоповреждающего и саморазрушающего поведения сопряжено с пребыванием в ситуации перегруженности адаптационных резервов при поддержании уровня стресса без снижения высокой нагрузки, но также коррелирует с опытом имущественной виктимизации как нарушением личных границ, тогда как стремление к автономии может выступать следствием либо причиной повышенного внимания к ее фактам; 2) агрессивное поведение возникает при угрозе серьезного физического насилия в качестве активного противостояния, исключая отсутствие сопротивления, а также связана с реагированием в форме пропусков учебы и пониженной успеваемостью; 3) зависимое и беспомощное поведение взаимосвязано с опытом высмеивания личности в форме вербальной с элементами социальной виктимизации в отношении причин, не поддающихся непосредственному изменению, в условиях восприятия невозможности контроля и отказа от противодействия правонарушителю; 4) некритичное поведение возникает в ситуации запугивания преимущественно в виде угроз физического насилия как снижение внимания к потенциальному риску и игнорирование воспринимаемой информации вследствие привыкания к сигналам опасности; 5) гиперсоциальное поведение исключает опыт физической виктимизации и представляет реакцию личности на социальную агрессию и снижение самооценки в области социального принятия, наряду с эмоциональным отреагированием и готовностью к обращению за помощью. В случае присутствия агрессии в реакции личности, независимо от ее направленности (при склонности к агрессивному, самоповреждающему либо некритичному поведению), отмечается риск суицидального поведения. Ощущение беспомощности и внешний локус контроля, как и неверная оценка ситуаций, способствуют генерализации установок опыта виктимизации в похожих ситуациях (при зависимой и беспомощной и некритичной моделях).

Библиографические ссылки

1. Impact of physical and relational victimization on self-cognitions in children and adolescents : dissertation in psychology / Sinklair K. R. [et al.] // Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology. 2012. Vol. 41, № 5. P. 570–583.

2. Brain and behavioral evidence for altered social learning mechanisms among women with assault-related posttraumatic stress disorder / Cisler J. M. [et al.] // Journal of Psychiatric Research. 2015. Vol. 63. P. 75–83.

3. Radliff K.M, Wang C., Swearer S.M. Bullying and peer victimization: an examination of cognitive and psychosocial constructs // Journal of interpersonal violence. 2015. Vol. 31, №. 110. P. 1983–2005.

4. Schacter H.L., Juvonen J. The effects of school-level victimization on self-blame: evidence for contextualized social cognitions // Developmental psychology. 2015. Vol. 51, №. 6. P. 841–847.

УДК 159.923

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ

А. В. Музыченко, С. В. Мелешкевич

УО «Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка», Институт психологии
ул. Советская, 18, 200030, Минск, Республика Беларусь
muzychenko10@mail.ru

Аннотация. Обсуждаются проблемы развития личности как показатель психосоциальной адаптации в трансформирующемся обществе на границе подросткового и юношеского возраста. Завершенность возрастных задач развития личности выступает критерием ее психосоциальной адаптации. Взаимосвязь «образа Я» и временной перспективы косвенно раскрывает характеристики личностной направленности современных старшеклассников, их установки к планированию будущего, тенденции в избирательном отношении к миру. Представленные данные эмпирического исследования отражают как особенности возраста, так и результат интериоризации современных социальных тенденций. В контексте формирования готовности к профессиональному самоопределению старшеклассников рассматриваются психодиагностические данные личностного опросника самоидентичности (В.В. Козлов), опросника временной перспективы (Ф.Зимбардо), теста Дж.Голланда на выявление типа профессиональной направленности личности, методики изучения статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель, А.Г. Грецов).

Ключевые слова: *временная перспектива; «образ Я»; профессиональная идентичность; подростковый возраст; ранний юношеский возраст.*

FEATURES OF DEVELOPMENT PERSONAL TIME PERSPECTIVE OF THE MODERN TEENAGERS AND YOUTH

A. V. Muzychenko, S. V. Meleshkevich

Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank
Sovetskaya str., 18, 200030, Minsk, Belarus

Annotation. The problems of personality development as an indicator of psychological and social adaptation in a transforming society on the border of teenage and youth-